КРОКОДИЛ

№ 15—16 МОСКВА 1944 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIII ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

Рис. Бор. Ефимова

Рис. Л. Бродаты

«КОТЕЛЬНЫЙ» ЦЕХ

— Эх, хороши детали!
— Какие?
— Вот эти — к новым «котлам» для фрицев.

Наши вечера

ВЕЧЕРА в семье Киреевых проходят неспокойно.

Вечерами Киреевы то и дело поглядывают на стенные часы.

Собственно говоря, Лука Фомич как будто и не принимает живого участия в этом занятии. Он молча сидит над своими бумагами, и весь его вид говорит о том, что на данном этапе он, Лука Фомич, интересуется только бумагами. Но справедливости ради отметим, что Лука Фомич нет-нет, а всё же невзначай, мельком и. если хотите знать, даже небрежно, взглянет на часы.

Вера Игнатьевна ушла с головой в интересную, очень увлекательную книгу. Но — чудное дело! — вот уж минут двадцать, как она читает одну и ту же страницу. Пробежит пять—шесть строчек и этак равнодушно и будто бы задумчиво вскинет глаза туда, где висят часы, по бесстрастному циферблату которых ужасно медленно двигаются стрелки. После этого Вера Игнатьевна опять начинает читать те же самые, уже десять раз прочитанные строчки.

Бабушка хлопочет на кухне. Но она всё чаще и чаще забегает сюда в комнату. Нет, не для того, чтоб заглянуть на часы. Она за солью. Что-то очень много соли ей сегодня нужно. Забежит, ну и, конечно скользнёт взглядом по циферблату и, ни к кому не обращаясь, скажет:

— Сегодня ничего не будет...

Юрка знает, что бабушка лукава и погрязла в суевериях. Это она нарочно говорит, что ничего не будет, а в душе надеется, что будет.

Надо отдать справедливость Юрке: из всех Киреевых это самый откровенный человек, хотя он уже не так молод — одиннадцать лет. Он ничуть не скрывает своего сладостного волнения. Он со всей свойственной ему прямотой и категоричностью смотрит на часы.

— Обстановка выяснится через одиннадцать минут,— заявляет Юрка.

— А? Что?—говорит отец.—Юрка, не мешай работать.

— Что? — вторит мать.— Юрка, ты мне мешаешь читать. А, может, будет не в восемь, а в девять.

— А, может, и в восемь и в девять,— говорит отец.

— Сегодня ничего не будет, ничего не будет, — шепчет бабушка, роясь в банке с солью.

— Обязательно будет! — твердит Юрка. — Семён Семенович видел, как по улице Горького везли пушки.

— А какие сегодня сведения у Кудрявцева? — спрашивает Вера Игнатьевна.

Но Кудрявцева нет дома. Это студент, у которого есть знакомая зенитчица. Тактичный Кудрявцев никогда не обращается к Варе с вопросами на эту тему. Но, способный молодой человек, он научился бойко читать в её синих глазах, и это увлекательное чтение часто обогащает Кудрявцева предчувствием близкого салюта.

Тридцать пять минут восьмого. Все смотрят на часы и на репродуктор.

— Концерт окончен! — заявляет диктор.

И репродуктор, спасибо ему, умолкает. Молчит уже целую минуту.

— Есть! — кричит Юрка. — Пауза!

И Юрка, не долго думая, пускается в пляс. Это вдохновенная импровизация, нечто среднее между полькой-птичкой и танцем племени команчей.

Вот уж диктор объявил о предстоящем важном сообщении. Вот уж и любимая всеми нами музыка позывных.

В дверь стучит сосед Павел Петрович, за ним соседка Марья Семёновна:

— Слыхали? Позывные. Вы не знаете, что взяли?

Все собрались у репродуктора. И вот уж Левитан торжественно произносит: «Приказ Верховного Главнокомандующего...»

— Двенадцать, двадцать, а может, двадцать четыре? — волнуется Юрка, вооружённый красным карандашом.

Сейчас он на карте кружочком отметит новый освобождённый город. А уже позже, когда Юрка будет спать и будут передавать сводку, папа начертит на карте новую линию фронта.

Хороша карта! Сколько красных кружочков!

Только вот беда — уж не хватает карты. Нет у Киреевых ни Румынии, ни Венгрии, ни Чехословакии. А ведь сейчас эти карты так нужны, так нужны!

Г. РЫКЛИН

ТОНКИЙ НАМЕК

— Что играешь, Петруха?
— На берегу Прута—вальс «Дунайские волны».

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Хору имени Пятницкого
с фронтовым приветом —
автор.

В неудачливый денёк
Может всё случиться.
...Привязался паренёк
Сразу к двум девицам.
Привязался — и притих:
Растерялся хилый!..
Бросить их, уйти от них
Не хватает силы...
Ох!
Позабыл дорогу-путь,
Глаз с девиц не сводит.
Надо б к дому повернуть —
Он всё с ними ходит.
Больно пара хороша:
Рослы, белолицы...
Стынет сердце, мрёт душа —
Смерть, а не девицы!..
Ох!
У девиц смешок в глазах,
На лице издёвка
И улыбка на устах,
А в руках... верёвка!
Связан парень у девиц
Словно дров вязанка...
(Этот «парень» — пленный фриц
И — две партизанки.)
Всё!

В. КОБЕЛЕВ

Действующая армия.

•

В темноте

ОНИ встретились на затемнённой улице, пригляделись и одновременно сказали:

— А-а!

Один подумал: «Можно, пожалуй, обойтись без «хайль». Не такой Пфластер человек». Другой тоже сказал сам себе: «Не таков герр Клекс, чтобы обрадовать его словом «хейль».

Они обменялись рукопожатием.

— Я слышал о постигшем вас несчастье. Ваш сын на Восточном фронте...

— Да, да, в числе десяти дивизий! Но и на вас обрушился удар судьбы! Говорят, ваш дом — в щепки?

— Мельче. В порошок. И если считать, что «Летающая крепость» — судьба, то это действительно её удар. Трёхтонный.

— Ох-ох! И подумать только, что всё это на наши бедные плечи! А тут ещё эта тотальная. Так называемая прощальная-тотальная. Кстати, скажите мой друг: говорят, или скорее шепчут, что один находчивый господин сделал над собой что-то такое, после чего он уже больше абсолютно никуда не годен? Интересно знать: эти изъяны у него внутри или снаружи?

— Ха! Зачем такая конспирация среди добрых знакомых! Дайте руку... Да вы не бойтесь, всё давно зажило. Чувствуете, чего не хватает? Вот тут... и ещё здесь... Ага?

— Действительно удивительно!

— Да, но вы как человек женатый, если последуете моему примеру, то сначала заручитесь принципиальным согласием фрау...

— О, с этой стороны возражений не предвидится... Но в общем — невесело. Где же выход?

— Выход будет тогда, когда... Дайте ухо! Вам, старина, это рассказать можно...

Они оба тихонько и злорадно смеются в поднятые воротники. В это время проезжающий автомобиль кидает на них взгляд своих затемнённых фар. Оба вздрагивают и отшатываются друг от друга.

— Майн гот, так это не Пфластер?!

— Какой кошмар! Я был уверен, что это герр Клекс!

— Извините ради бога! Какое, однако, совпадение...

Оба ныряют в темноту.

В. АНДРЕЕВА

ПАН МАЦКЕВИЧ И ДРУГИЕ

Рис. К. Елисеева

— Пора, наконец, уволить этого пьяницу-швейцара!
— Что вы! Кого же мы тогда будем представлять?

КОЛЛЕКЦИОНЕР ПАСПОРТОВ

Опасаясь народного гнева, гитлеровец Жан Люшер, владелец парижской газеты «Тан нуво», запасся уже двумя паспортами — для Испании и Швеции.

Живёт в Париже Жан Люшер —
Издатель «Тан нуво».
— Как поживаешь ты, мон шер? —
Спросили у него.
— Мерси, покамест ничего! —
Сказал владелец «Тан нуво».
Но почему же весь Париж
Упорно говорит,
Что улизнуть ты норовишь
В Стокгольм или Мадрид?
— Всё это сплетни парижан! —
Сказал в ответ издатель Жан.
— Но твой шофёр вчера сказал
Шофёрам в гараже,
Что ты в посольствах заказал
Два паспорта уже!
— Всё это вздор и клевета, —
Сказал издатель Жан.—
Я собираю паспорта
И марки разных стран.

—o—

На этот раз ты не соврал,
Издатель Жан Люшер:
Немало марок ты собрал—
Германских, например!

С. МАРШАК

ВЕСНА НАСТУПАЕТ...

Весенние побеги во всех четырёх сезонах.

Веснушки.

ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА

ГЛОБА ВСТРЕВОЖЕН

КОМАНДНЫЙ пункт полка расположился в железнодорожной будке. У дверей шепчутся связист старший сержант Глоба и его приятель усатый ефрейтор Приставка.

— Не знаешь, чего меня вызывают в штаб? — с тревогой говорит Глоба.

Приставка напрягает память, разглаживает усы и решает:

— Не иначе, как связь плохо работала. Может, твои связисты начудили там на болоте?

— Ни в коем рази... Хоть какой обстрел был, а моя линия работала без отказу. Ты погляди, в какой я переплёт попал. Шинель в двух местах осколками поранена, и ушанка пробита пулей. Я протянул линию через болото да ещё на своей голове пронёс радистам рацию, потому что они небольшого росту и я боялся, что потонут.

— А может, тебя наградили? Ты там ничего такого геройского не натворил?

— Ничего такого не было. Прошли мы болото, снял я валенки, вылил воду, снова завернул портянки и полез на дерево с аппаратом. Гляжу: у деревни фрицы укрепления роют. Вызвал огонь. Потом ходил с лейтенантом к немецким траншеям и корректировали. Наши стреляли прямо в точку, аж на нас осколки летели. Мы лежали от немецких окопов не более в пятидесяти метрах. А потом мы с лейтенантом за компанию с пехотой в атаку ходили, я там некоторым фрицам жизнь попортил.

— Да... Значит, действительно, ничего такого не было,— согласился Приставка.—Чего же тебя подполковник вызывает?

Через пять минут Глоба вышел из будки весь в поту. В его руке сверкал орден Славы третьей степени.

ЗОЯ ЛЮБИТ ТИШИНУ

ПОЛКИ преследуют отступающих немцев. Командный пункт дивизии выдвинулся вперёд и расположился на опушке леса в двух небольших палатках, разбитых прямо на снегу.

Между палатками в яме дымит костёр, у которого работает молоденькая девушка-боец Зоя Марнова. Её пишущая машинка стоит на снарядном ящике. Сапоги Зои не то, что промокли, а вымокли. Она протянула ноги вплотную к головешкам, и от сапог валит густой пар.

Слева от Зои на полянке, в 100 метрах от палаток, развернулась и ведёт активный огонь наша полковая артиллерия. Справа, в 50 метрах от КП дивизии, танкисты пробуют моторы своих «КВ». Стоит такой гул, что дрожат снарядный ящик, пишущая машинка и земля на километр вокруг.

Огрызается немецкая дальнобойная артиллерия, прикрывающая отход своих частей. Её снаряды рвутся в 200—300 метрах от костра.

Зоя, дуя по временам на покрасневшие пальцы, пишет точно и без ошибок: «Капитана Олейникова наградить орденом Отечественной войны II степени».

Вдруг прискакали двое офицеров связи и привязали своих коней к деревьям за спиной Зои.

Один лошак, очевидно, впервые увидев пишущую машинку, от удивления тихо заржал.

Зоя гневно обернулась и категорически заявила:

— Что это такое?! Чего она разржалась?! Я из-за неё сделала ошибку. Я в такой шумной обстановке работать не могу!

Лошадей немедленно забрали.

Майор М. ЭДЕЛЬ

Действующая армия.

Мой сосед Блинчиков

ВЫ НИКОГДА не были у меня в гостях? Буду рад, если зайдёте. Кстати, познакомлю вас с моим соседом Блинчиковым.

Но заранее предупреждаю: ничего особенного в нём нет. Это человек средних лет, среднего роста, средних качеств и средних способностей. Занимает он где-то уютную двухэтажную должность — не то референта-экономиста, не то калькулятора-инкассатора.

Всё же Блинчиков — очень любопытный экземпляр.

Недавно он рассказал мне такую историю:

— Иду это я, понимаете ли, по Плющихе. Вдруг из какого-то подъезда выскочил мальчишка, нахально взглянул на меня и, понимаете ли, высунул язык. Возмущённый до глубины души, подхожу к этому ублюдку и, понимаете ли, даю ему рубль.

— Зачем вы это сделали, Блинчиков?

— Очень просто. Мальчишке понравится зарабатывать деньги таким лёгким способом. Он, понимаете ли, высунет язык другому прохожему. А тот, будьте уверены, заедет ему в морду... Сам я, понимаете ли, не хотел связываться. Не моё дело — воспитывать уличных мальчишек!

Блинчиков любит поговорить. Он часто рассказывает мне разные истории. И в каждом рассказе один и тот же припев: «Не хотел связываться», «Не моё дело».

— В воскресенье захожу я, понимаете ли, в один знакомый дом,— повествует Блинчиков.—Сидит там, развалившись на диване, какой-то вислоухий балбес лет сорока. Развалился, понимаете ли, на диване, курит папиросу и болтает всякие гадости. Рассказывает, понимаете ли, всякие пошлые анекдоты. Прямо стыдно было слушать... Я, понимаете ли, сидел как на иголках часа два и слушал, и всё во мне переворачивалось от негодования. Еле, понимаете ли, сдержался. Уж очень хотелось самым резким образом оборвать этого субъекта!

— Почему вы этого не сделали?

— А чорт с ним! Не хотел связываться.

Помолчав немного, Блинчиков продолжал:

— И вообще, понимаете ли, кое-где ещё наблюдаются у нас отдельные безобразия. В нашем учреждении сижу я в одной комнате с девицей Островской, секретарём начальника. Секретарь она плохой, как говорится, ни мордочки, ни почерка. Но роль ведьмы исполняет на высокой ноте. С посетителями не разговаривает, а лается. К ней одна гражданка, жена фронтовика, вот уже две недели ходит, понимаете ли, за какой-то пустяковой бумажкой. Посмотрели бы вы, как наша ведьма измывается над этой гражданкой! Сижу, наблюдаю — и сердце, понимаете ли, обливается кровью! О поведении Островской надо бы рассказать начальнику, надо бы напечатать в стенгазете!

— Почему бы вам, Блинчиков, не сделать этого?

— Вот ещё! Охота мне связываться!

А вчера утром, когда Блинчиков шёл на службу, с ним случилось нижеследующее происшествие:

— Иду это я, понимаете ли, по улице и размышляю, конечно, о служебных делах. Вдруг, как снег на голову... То есть, именно снег на голову, в буквальном смысле слова. Прямо, понимаете ли, с крыши да на меня!

Многие управдомы, понимаете ли, совсем обнаглели и свою безрукость прикрывают военными обстоятельствами. Я вскипел, как самовар...

— И, конечно, не захотели связываться?

— То есть, как это, понимаете ли, не захотел? Мне будут кидать снег на голову, а я буду стоять в стороне и молчать?! Я потратил три часа и довёл дело до конца. Милиция составила протокол. Нет, братцы, такие дела нельзя замазывать, понимаете ли!

Вот каков мой сосед Блинчиков! К сожалению, не один я имею такого соседа, понимаете ли...

Г. РЫКЛИН

Рис. Ю. Ганфа

СПЕКТАКЛЬ ПРОВАЛИЛСЯ

— Куда бежать? Один выход, да и тот на вешалку.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ОБОЮДНОЕ УВАЖЕНИЕ

К БАБУШКЕ в гости пришла знакомая старушка. Она начинает что-то такое рассказывать и на каждом слове так и сыплет: «Чорт, чорт... пёс, пёс...» А то ещё говорит «шут»: «Шут его знает!» Ну, и всё в таком духе.

Бабушка покосилась на Шурика, который сидит на ковре в углу, и говорит умоляющим голосом:

— Александра Ивановна, голубушка! Потише. Шурик у нас пока ещё таких слов не употребляет. И чем дольше он их не будет употреблять, тем лучше. Так что уж вы, голубушка, воздержитесь!

Ну старуха кое-как стала воздерживаться. А в это время к Шурику пришёл его знакомый Алик. Он сел на ковёр рядом с Шуриком, взял в руки кубик и начинает что-то такое рассказывать. И рассказ он пересыпает такими словами... ну в общем такими, что Шурик покосился на бабушку и говорит умоляющим голосом:

— Алик, голубчик! Потише. Бабушка у нас таких слов не употребляет. И чем дольше она их не будет употреблять, тем лучше. Она у нас пока неиспорченная... Мы, понимаешь, бережём старуху. Так что уж ты давай не надо!

ФУНТИК

У ОДНОГО заведующего магазином была собака Фунтик. Один раз Фунтик увязался за своим хозяином, когда тот пошёл на работу. Весь день Фунтик слонялся по магазину не евши, а когда стало уж очень невмоготу, стянул маленький кусочек колбасы.

Хозяин заметил и начал драть Фунтика, как сидорову козу. Покупательницы обратили внимание и говорят:

— Ах, какой кристальный наш заведующий! Эта псина оказалась ворюгой, и вы только поглядите, как он с ней разделывается! Посмотрите, он её потащил в подсобное помещение. Уж там-то он, наверно, спустит с неё шкурку!

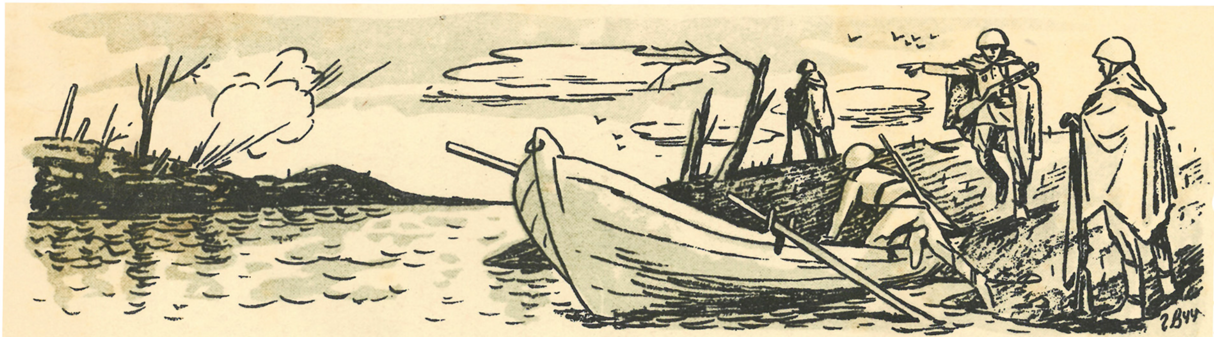
В подсобном помещении побитый Фунтик преданно посмотрел хозяину в глаза, а хозяин ещё раз шлёпнул его и строго сказал:

— С-с-с-сукин сын! Я т-т-тебя научу воровать!

И пока Фунтик опасливо поднимал хвостик, хозяин завернул в бумагу килограмма три этой самой колбасы, дал свёрток Фунтику в зубы и, похлопав его поощрительно, проводил с чёрного хода домой.

Кто его знает, Фунтика: может быть, и выучится.

В. КАРБОВСКАЯ

НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ПРУТА

Рис. Г. Валька

— Отвезёшь майору Петрову на тот берег. Вот тебе заграничная командировка.

Дед и баба

(ГЛАВА ИЗ 3-й ЧАСТИ «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»)

Третье лето. Третья осень.
Третья озимь ждёт весны.
О своих нет-нет и спросим
Или вспомним средь войны.

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас...

Вспомним вьюгу-завируху
Прифронтовой полосы,
Хату с дедом и старухой,
Где наш друг чинил часы.

Им бы не было износу
Впредь до будущей войны,
Но, как водится, без спросу
Снял их немец со стены.

То ли вещью драгоценной
Те куранты посчитал,
То ль решил с нужды военной:
Как-никак, цветной металл.

Так-то жили дед да баба
Без часов своих давно.
И уже светилось слабо
На пустой стене пятно...

Но со страстью неизменной
Дед сулил, рядил, гадал
О кампании военной,
Как в отставке генерал

На дорожке возле хаты
Костылём старик чертил
Окруженья и охваты,
Фланги, клинья, рейды в тыл...

— Что ж, за чем там остановка?—
Спросят люди. — Срок не мал...

Дед-солдат моргал неловко,
Кашлял:
— Перегруппировка...—
И таинственно вздыхал.

У людей уже украдкой
Наготове был упрёк,
Словно добрую догадку
Дед по скупости берёг.
Словно думал подорожє
Запросить с души живой:
— Дед, когда же?
— Дед, ну что же?
— Где ж он, дед, Будённый твой?

И едва войны погудки
Заводил вдали восток,
Дед, не медля ни минутки,
Объявлял, что грянул срок.

Отличал уже по слуху
Грохот русских батарей.
Бегал, топал:
— Дай им духу!
Дай ещё! Добавь! Прогрей!

Но стихала канонада,
Потухал зарниц пожар.
— Дед, ну что же?
— Думать надо,
Здесь не главный был удар...

И уже казалось деду —
Сам хотел того иль нет, —
Перед всеми за победу
Лично он держал ответ.

И, тая свою кручину,
Для всего на свете он
Предугадывал причину
И придумывал резон.

И когда пора настала,
Долгожданный вышел срок,
То впервые воин старый
Ничего сказать не мог...

Все тревоги, все заботы
У людей слились в одну:
Чтоб за час до той свободы
Не постигла смерть в плену,

В ночь, как все, старик с женой
Поселились в яме.
Ветки яблонь дождь стальной
Сёк над головами.
Довелось под старость лет
Ни в пути, ни дома,
А у входа на тот свет
Ждать часы приёма.

Под накатом из жердей,
На мешке картошки,
С узелком, с горшком углей,
С курицей в лукошке...

Две войны прошёл солдат.
Целый, невредимый.
Пощади его, снаряд,
В конопле родимой!

Просвисти над головой,
Но вблизи не падай,
Даже если ты и свой, —
Всё равно не надо!

Мелко крестится жена,
Сам не скроешь дрожи:
Ведь живая смерть страшна
И солдату тоже.

Стихнул грохот огневой
С полночи впервые.
Вдруг — шаги за коноплёй.
— Ну, идут... немые...

По картофельным рядам
К погребушке прямо...
— Ну, старик, не выйти нам
Из готовой ямы.
Но старик встаёт, плюёт
Потихоньку в руку,
За топор — и напёред,
Заслонил старуху.

Гибель верную свою,
Как тот миг не горек,
Порешил встречать в бою,
Держит свой топорик.

Вот шаги у края — стоп!
И на шубу глухо
Осыпается окоп —
Обмерла старуха.

Всё же вроде как жива:
— Наше место свято!
Слышит русские слова!
— Жители, ребята!

— Детки родненькие! Детки!—
Уронил топорик дед.

— Мы, отец, ещё в разведке,
Тех встречай, что будут вслед

На подбор орлы-ребята,
Молодец до молодца!
Командир у аппарата,
Хоть ты что, знаком с лица.

— Закурить? Крути, папаша! —
Дед садится, вытер лоб:
— Ну, ребята, счастье ваше,
Голос подали. А то б...

Командир, смеясь, кивает:
— Ничего, на том стоим.
На войне не то бывает —
А глядишь, и невредим.

— Точно так, — и тут бы деду
В самый раз, чтоб закурить,
В самый раз продлить беседу—
Столько ждал! — поговорить.

Командир ему при этом
Но они спешат не в шутку.
И ещё не снялся дым...
— Погоди, отец, минутку,
Дай сперва освободим...

Подмигнул для красоты,
И его по всем приметам
Дед узнал:
— Так это ж ты!

Друг-знакомец, мастер-ухарь,
С кем сидели у стола.
— Погляди скорей, старуха:
Узнаёшь его, орла?

Та, как глянула:
— Сыночек,
Голубочек! Вот уж гость!
Может, сала съешь кусочек?
Воевал, устал, небось?

Смотрит он, шутник тот самый:
— Закусить бы счёл за честь,
Но ведь нету, бабка, сала?
— Да и нет, а всё же есть...

— Значит, цел, орёл, покуда?
— Ну, отец, не только цел:
Отступал солдат отсюда —
Наступает офицер.

— Офицер? Так-так. Понятно,—
Дед кивает головой. —
Ну, а если... напопятный,
Ты опять, как рядовой?..

— Нет, отец, забудь. Отныне
Нерушим простой завет:
Ни в большом, ни в малом чине
Напопятный ходу нет...
Откажи мне в чёрствой корке,
Прогони тогда за дверь.
Это я, Василий Тёркин,
Говорю. И ты уж верь.

— Да уж верю! Как получше
На какой теперь манер:
Господин, сказать, поручик
Иль товарищ офицер?

— Стар годами, слаб глазами,
И, однако, ты, старик,
За два года с господами
К обращению привык...

Дед — плеваться, а старуха,
Подпершись одной рукой,
Чуть склонясь и эту руку
Взявши под локоть другой,
Всё смотрела, как на сына
Смотрит мать из уголка.

— Закуси ещё, — просила, —
Закуси, поешь пока...

И спешил, а всё ж отведал,
Угостился, как родной.
Табачку отсыпал деду
И простился.
— Связь, за мной!

И уже, пройдя немного,
Мастер—мастер был и тут,
Тёркин, будто бы с порога
Про часы спросил:
— Идут?
— Как не так! — и вновь причина
Бабе кинуться в слезу.

— Будет, бабка! Из Берлина
Двое новых привезу.

А. ТВАРДОВСКИЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 руб. 60 коп. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда"

Москва. Изд. № 230. Подп. к печати 26/IV 1944 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78000.

А 5145. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24 Заказ № 474. Тираж — 100 000 экз.

ПОПОЛАМ

(Кавалерийская шуточная)

1

Мы с приятелем дружили,
Как и должно землякам,
Вместе в конниках служили,
Всё делили пополам.
Вместе ели, вместе спали,
Гарцовали по степям,
Вместе немца мы рубали —
Пополам, так пополам!
— Друг-товарищ, не зевай!
— Что ж зевать? Сам с усам!
— Так, пожалуйста, рубай!
— Пополам?
— Пополам!

2

И запевки и беседы,
Золотой овёс коням,
И патроны, и обеды —
Всё делили пополам.
Коль на марше спозаранку
Подкрепиться нечем нам,—
Делим бубличек-баранку,
Даже дырку пополам!
— Друг-товарищ, не зевай!
— Что ж зевать? Сам с усам!
— Так, пожалуйста, рубай!
— Пополам?
— Пополам!

3

Шесть фашистов под Херсоном —
Счёт зарубленным врагам,
По три немца на персону —
Пополам, так пополам.
Но гляжу я: друг мой кровный
За седьмым в карьер помчал...
Эх, обида! Счёт неровный.
Но ему я закричал:
— Друг-товарищ, не зевай!
— Что ж зевать? Сам с усам!
— Так, пожалуйста, рубай!
— Пополам?
— Пополам!

4

Был бы всё же я сердитым,
Но срубил восьмого сам,
И теперь мы с другом квиты —
Пополам, так пополам.
К вечеру несут ребята
Два ведёрка пива нам.
Значит, пьём. Ведро на брата —
Пополам, так пополам.
— Друг-товарищ, не зевай!
— Что ж зевать? Сам с усам!
— Так, пожалуйста, рубай!
— Пополам?
— Пополам!

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

Рис. К. Елисеева

Весна в Карпатах.